

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2009 г. А. В. Юревич

Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук,
заместитель директора Института психологии РАН, Москва

Приводятся статистические данные, а также результаты психологических и социологических исследований, свидетельствующие о негативном нравственном состоянии современного российского общества. Рассматриваются причины снижения его нравственности и способы улучшения положения, среди которых – коррекция сформировавшегося в общественном мнении понимания свободы, “экстернализация морали” путем придания основополагающим нравственным нормам статуса законов, возрождение институтов морального контроля.

Ключевые слова: мораль, нравственность, состояние общества, свобода, контроль, криминализация, закон, брутализация, реформы, экономический детерминизм.

СИМПТОМЫ МОРАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ

Статья была написана до наступления экономического кризиса.

Несмотря на экономические успехи, внутриполитическую стабилизацию и другие позитивные тен-

денции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит тревожным.

Каждый из приведенных в табл. показателей достаточно красноречив. Так, количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуа-

Некоторые показатели состояния современного российского общества (2006 г.)

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	20.2	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	30.1	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	23.1	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	17.5	3-е место в Европе и СНГ после Литвы и Латвии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	66.6	Последнее место среди стран с развитой и переходной экономикой
Естественный прирост населения на 1000 жителей	-4.8	Одно из последних мест в Европе (перед Болгарией и Украиной)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	89	2-е место в Восточной Европе и СНГ после Литвы
Количество разводов на 1000 жителей	4.5	1-е место в Европе
Число аборт на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	40.6	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (%)	29.2	9-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0.4	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2.3	143 позиция в мире (наряду с Гамбией, Индонезией и Того) из 180 возможных

Источники: [8, 30, 43].

ция в данном отношении тоже очень неблагоприятна), и примерно в 10 превышает их количество в большинстве европейских стран. В этом плане Россия уступает только некоторым латиноамериканским государствам, таким как Колумбия, и странам Африки, расположенным к Югу от Сахары [22]. По количеству самоубийств Россия занимает второе место в Европе и СНГ не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет (в данном случае – после Казахстана)¹. А масштабы жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, свидетельствуют если не о массовом нежелании жить (психоаналитическая интерпретация подобных случаев), то, по крайней мере, о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и к чужой жизни². В совокупности приведенные данные выстраиваются в целостную картину, которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества, и, удивительно, что в общественном сознании они воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, выигранных на Олимпиаде (что само по себе служит индикатором нравственного состояния общества, равно как и одаривание дорогими внедорожниками и без того небедных спортсмен-победителей).

Перечисленные в табл. показатели дополняются другими данными, демонстрирующими, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии:

- ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения;
- от жестокости родителей ежегодно страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегают из дома;
- каждый год 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;
- насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье;
- 12% подростков употребляют наркотики;
- более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, создается в нашей стране;

¹ При этом по ряду причин, таких как стремление родственников представить самоубийство как несчастный случай и т.п., недоучет самоубийств в российских регионах составляет порядка 13% [25]. Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение среднего возраста суицидентов, совершение самоубийств все более жестокими способами и др. [там же].

² Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны, а ситуация на наших дорогах характеризуется как “война на дорогах”, “гражданская война” и т.п. [24].

- около 1.5 млн. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу;
- детское и подростковое “социальное дно” охватывает не менее 4 млн. человек;
- темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;
- в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х гг. [1, 6].

Количественные данные, в свою очередь, могут быть дополнены хорошо известными бытовыми примерами, выражающими состояние современного российского общества. По-прежнему широко распространена практика криминальных “крыш”, рейдерства (эта проблема обозначена и на высшем государственном уровне), “черного риэлтерства”, финансовых “пирамид” и других видов мошенничества. Существует (в XXI веке!) и такое явление, как работоторговля, причем в прямом, а отнюдь не в метафорическом смысле слова. Пожилых людей сотнями убивают ради того, чтобы завладеть их квартирами. Бомжи стали непременным атрибутом вокзалов и других публичных мест. В школах продаются наркотики. Подростки гибнут в кровавых столкновениях между юношескими преступными группировками. Интернет переполнен фильмами, где в деталях показано, как ученики избивают своих учителей. Развязно-агрессивные юнцы демонстративно не уступают места в транспорте пожилым людям, а порой и способны убить за сделанное им замечание – как в г. Кольчугино, где компания подонков, распивавшая водку на мемориале героям Великой отечественной войны, убила и сожгла на Вечном огне человека, попытавшегося их усовестить. Публичная речь, в том числе на телевидении и радио, изобилует матом и блатным жаргоном. И этот скорбный список бытовых свидетельств неблагоприятного состояния нашего общества можно продолжать очень долго.

При всем разнообразии подобных явлений, а также процессов, характеризующих приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которым служит *моральная деградация* нашего общества или, используя известное выражение Э. Гидденса, “испарение моральности”. Закономерно, что согласно результатам социологических опросов, падение нравов воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России, они констатируют “порчу нравов” в качестве одной из худших тенденций [21]. Закономерно и то, что наш прежний президент в одном из своих последних выступлений в этой должности

обозначил моральное состояние современного российского общества как одну из его ключевых проблем.

Крайне тревожное нравственное состояние нашего общества проступает в его психологических, а также социологических исследованиях.

Например, социологические исследования высвечивают разительный контраст между российскими и западными нормами поведения в общественных местах. Наши студенты и молодые специалисты, проходящие обучение в западных странах, отмечают, что там незнакомые люди улыбаются друг другу, «однако когда эту улыбку привозишь на родину, то чаще всего она не находит ответа, оказывается неуместной и постепенно исчезает» [16, с. 107]. А вот впечатление девушки, вернувшейся в нашу страну после зарубежной стажировки: «Все такие серые, злые, пихаются, толкаются, все ругаются. В метро, если час пик, то это битва и бойня. Меня это шокировало, и я вдруг поняла: “Боже мой! В какой стране я живу!”» [там же, с. 108].

И.В. Щербакова и В.А. Ядов сравнивали такую форму проявления вежливости, как придерживание двери в метро следом идущему пассажиру, у жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Будапешта. Наихудшие показатели продемонстрировали москвичи, а наилучшие – жители Будапешта, причем в Будапештском метро это чаще всего делала молодежь, а у нас – люди среднего и пожилого возраста. Некоторые российские респонденты сравнивали поездку в метро в час пик с борьбой за выживание, в которой другие пассажиры – лишь конкуренты за место в вагоне [35].

Канадские журналисты в 2006 г. провели исследование, продемонстрировавшее, что по частоте случаев *helping behavior* (выражающегося в готовности помочь ближнему) Москва замыкает список из 48 изученных ими городов мира [35]. Другие сравнительные исследования бытовой культуры также демонстрируют, что по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем, причем наблюдается тенденция к «брутализации», т.е. к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (закономерно, что термин «брутализация» занимает видное место в терминологическом аппарате отечественной социологии). «Брутализируется» всё – от отношений между супругами, нанимающими киллеров для решения внутрисемейных вопросов, до способов совершения самоубийств. А около 50% опрошиваемых сами признаются, что хамят окружающим регулярно, считая такое поведение социальной нормой, при-

чем наиболее часто это делают молодые и хорошо обеспеченные люди [14].

Исследования показывают, что «молодые люди выражают неоднозначное отношение к необходимости соблюдения социальных норм» [37, с. 55]. Хотя количественно преобладают те, кто, по крайней мере, исследователям отвечают, что нормы надо соблюдать (есть основания усомниться в искренности значительной части таких респондентов), но при этом широко распространена и такая позиция: мы будем соблюдать законы и нравственные нормы «если нравственно поступать будет выгодно, когда будут выработаны законы, соответствующие потребностям современной личности, и когда эти законы будут осознанно ею выполняться» (цит. по [37, с. 50]). А пока выгоднее нарушать законы и нравственные нормы, стремление к их соблюдению остается абстрактным. Подобный диссонанс – абстрактное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямо противоположным, – как и всякий когнитивный диссонанс [39], болезненно переживает человек, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, понижающее удовлетворенность жизнью [37]. И, по всей видимости, такое состояние нашего общества вносит свой вклад в печальную статистику самоубийств и нервно-психических расстройств.

Опросы демонстрируют, что сейчас молодые люди воспринимаются как ведущие себя намного более свободно и раскованно, нежели в советские времена [34]. Однако эта свобода и раскованность, в духе нашего понимания свободы, часто превращается в развязность и разнузданность. Симптоматично то, что мат стал «рабочим дискурсом» значительной части молодого поколения, в том числе и его прекрасной половины, хотя в данном плане студенчество по-прежнему воспринимается как ведущее себя более цивилизованно, нежели основная часть нашей молодежи [там же]. Регулярно констатируется и такой ее атрибут как неуважение к старшим [там же, и др.].

Получены данные о том, что в нашей стране намного больше респондентов (по сравнению, например, с США), утвердительно отвечающих на вопрос «Может ли человек нарушать закон и при этом быть правым?» А число лиц, считающих, что законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, т.е. подлинно законопослушных (по крайней мере, на словах), в течение последних 15-и лет практически не меняется и составляет 10–15% от изучаемых выборок [4]. В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране этот процесс либо «застревает» на начальной ста-

дии, где послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо приходит к высшему уровню, характеризующемуся опорой на высшие этические принципы и совесть [там же]³. Аналогичные результаты дает изучение моральных суждений младших школьников, которые считают основными причинами совершения поступков страх наказания и сочувствие, причем за последние 70 лет эта схема объяснения мало изменилась [18].

Разрушены или существенно деформированы нравственные нормы, регулирующие как общесоциальные, так и межличностные отношения, например, норма реципрокности межличностных отношений. В некоторых социальных слоях престижным (“крутым”, в принятой там терминологии) считается отвечать злом на добро, например, толкать, а не благодарить уступившего тебе дорогу человека.

По аналогии с выделением Л. Колбергом трех стадий морального развития [40], можно выделить и несколько стадий моральной деградации, характерной для современного российского общества. Советской моралью был предписан “просоциальный альтруизм”: советский человек во всем должен был подчинять личные интересы общественным, следуя принципу: “Человек – для семьи, семья – для государства”. Естественно, в моральном плане такая позиция не вызывает возражений, однако, как показал опыт СССР, она мало реалистична⁴. Более реалистична позиция “разумного эгоизма”, в целом характерная для западного общества: человек думает прежде всего о себе, но старается, чтобы его действия не наносили ущерба окружающим, дабы и они платили ему тем же. Третья позиция характерна для современного российского общества, особенно для нашей молодежи, и состоит в подчеркнутом игнорировании окружающих и общепринятой морали. Демонстративное нежелание уступить место ста-

рушкам или выставление автомобилей поперек улицы – яркие примеры такого поведения, субъекты которого демонстрируют свою “крутизну” и повышают самооценку. Наконец, четвертая позиция состоит в умышленном нанесении вреда окружающим. Повсеместный мат, вандализм и т.п. – проявления этой, выделенной по данному параметру, высшей степени моральной деградации, которую в современной России можно наблюдать повсеместно.

ПРИЧИНЫ “ИСПАРЕНИЯ МОРАЛЬНОСТИ”

Причины “испарения моральности” в современной России достаточно известны. Обозначим лишь некоторые из них.

1. Общее ослабление контроля над поведением граждан в нашем обществе, как показывает история и опыт других стран, неизбежно сопутствующее радикальным реформам и характерное для “турбулентных”, изменяющихся обществ. Наше общество по-прежнему “травмировано хаосом” [38], которого в последние годы стало меньше, но до восстановления долгожданного порядка, порушенного в конце 1980-х – начале 1990-х гг., пока далеко. Одной из главных проблем современного российского общества является не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное – *дефицит контроля*, прежде всего, контроля внутреннего – нравственного. Как демонстрируют опросы, подавляющее большинство наших сограждан выступают за ужесточение законов, нравственную цензуру СМИ и другие формы нравственного контроля. Аналогичные интенции наблюдаются в органах власти. Все это говорит о том, что в нашем обществе назрела соответствующая потребность.

2. Нравственные качества реформаторов⁵, многие из которых были рекрутированы в демократы из партийных и комсомольских работников, трансформировали ресурс административной власти в доступ к собственности, а свою личную безнравственность обобщили в удобную им идеологему “ненужности морали” для рыночной экономики. Антиподом этой идеологемы служит

³ М.И. Воловикова, получившая эти результаты, опирается на классификацию Л. Колберга, который выделил 3 стадии соблюдения человеком моральных норм: 1) соблюдение их из страха наказания, 2) следование им из подражания другим – потому что все так делают, 3) их соблюдение под влиянием внутренних этических принципов [40]. Идеи, аналогичные содержащимся в классификации Колберга, неоднократно высказывались и в философии. “Воздерживаться от проступков не в силу страха, а из чувства долга”, – призывал Демокрит (цит. по [9, с. 252]). А О.Г. Дробницкий так описывает механизм “интернализации” морали: “Индивид постепенно как бы вбирает в себя общественное осуждение и одобрение и сам становится их проводником” [там же, с. 252].

⁴ Как пишет О.А. Кармадонов, «У человеческого существа были отняты этой моделью все сущностные человеческие характеристики, включающие как сильные стороны, так и слабости. В результате сам человек исчез, уступив место “строителю коммунизма”, снабженному своим “моральным кодексом”, т.е. комплексом приписанных ему черт, характеристик и мотиваций» [13, с. 65].

⁵ Естественно, не всех. Политологи, например, различают “демократов-романтиков”, искренне отстаивавших демократические ценности, и пришедших им на смену “демократов-прагматиков”, ловко использовавших демократические ценности в личных интересах, например, для оправдания выгодной им приватизации [7]. Показательно и то, что более 70% лидеров партии “Демократическая Россия” после ее поражения на выборах в Государственную Думу 1993 г. тут же ушли в бизнес, заложив традицию постоянного транзита из политики в бизнес и обратно.

показанная в работах М. Вебера и его последователей неизбежность нравственной основы рыночной экономики, коренящейся в протестантской этике и т.п.

3. Специфический характер “трех источников и трех составных частей” современного российского бизнеса, основу которых составили: а) бывшие советские “цеховики”, т.е. подпольные производители товаров и услуг; б) представители криминального мира, в советские годы облагавшие данью “цеховиков” и продолжившие эту традицию в условиях рыночной экономики; в) партийные и комсомольские работники, с поразительной легкостью сменившие социалистическую мораль на капиталистическую. Каков был нравственный уровень этих трех групп и, соответственно, каким оказался нравственный уровень отечественного бизнеса, а, вслед за ним, и значительной части нашего общества, в комментариях не нуждается. Естественно, впоследствии туда пришли и другие люди – бывшие военные, инженеры и др., в моральном плане выглядевшие куда лучше, но погоду делали не они, и им приходилось подчиняться тем порядкам, которые утвердили три вышеуказанные группы.

4. Распространение в начале 1990-х гг. таких идеологем, как “Можно все, что не запрещено законом”, “Надо жить по закону, а не по совести”, “Главное деньги, и не важно, какими путями они заработаны” и др., по существу, отрицающих всякую мораль. Однозначное решение давней российской альтернативы “По совести или по закону?” в пользу последнего, характерное для первых лет реформ, привело к тому, что наше общество стало жить и не по совести, и не по закону, а “по понятиям”. Плачевный результат оказался неизбежен. Во-первых, потому, что “свято место пусто не бывает”, и отвержение общепринятой морали в условиях криминализации общества обернулось ее замещением моралью преступного мира. Во-вторых, вследствие того, что закон и мораль являются двумя основными, поддерживающими друг друга, системами обеспечения социального порядка, и разрушение одной из них неизбежно ведет к разрушению другой, закон не действует без опоры на мораль, а мораль разрушается без подкрепления законом.

Отмечается, что «Россия на долгие годы оказалась “естественной лабораторией”, где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания» [4, с. 17]. Исторически характерные для нашей страны чуть ли не антагонистические отношения между моралью и законом тоже могли быть сформированы только в этой “лаборатории”. Следует также отметить не-

лепость, а подчас и циничность многих наших законов⁶, которые вносят свой вклад в негативное отношение к законам в современном российском обществе и служат выражением его нравственной деградации, а также морального уровня значительной части наших юристов, демонстрирующих подчеркнуто пренебрежительное отношение к морали. Закономерно, что Нобелевский лауреат Л. Гинзбург называет нынешних российских юристов “позором нашего общества” [26], ибо многие из них служат опорой криминального мира и вносят большой вклад в формирование пренебрежительного отношения не только к морали, но и к законам, которые помогают обходить. Наши суды демонстративно не принимают во внимание моральную сторону дела, что является одной из главных причин вынесения приговоров, абсурдных с позиций морали и здравого смысла. С сожалением приходится признать и то, что высокая нравственная культура, свойственная российским юристам досоветского времени (таким, например, как А.Ф. Кони), не характерна для их нынешних коллег.

5. Распространившееся в начале реформ псевдолиберальное понимание свободы как несоблюдения любых правил и запретов⁷, разнузданности и безответственности, охотно ассимилированное некоторыми слоями нашего общества. “Анархический порядок 90-х массово породил индивида, понимающего свободу как волю”, – констатирует В.Г. Федотова [36, с. 791]. Психологические обследования ограниченно вменяемых правонарушителей демонстрируют, что под словом “свобода” они понимают пребывание вне условий заключения под стражу и/или освобождение из мест лишения свободы, а в экзистенциальном плане – как вседозволенность, свободу от нравственного и государственного контроля [19]. Налицо тенденция к экспансии такого понимания свободы на широкие слои нашего общества.

⁶ Например, пожилой инвалид, укравший из погреба соседки консервированные овощи на сумму 200 руб., получает за это 7 лет лишения свободы, а бывший государственный чиновник, укравший у государства 180 млн. долларов – 4 года [17]. И таких нелепых контрастов – хоть отбавляй. В 2000 г. в России были помилованы 12843 преступника, из которых 9790 были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе 2689 убийц, 2188 причинителей тяжких увечий, 1834 разбойника, 18 похитителей людей и 14 бандитов [там же]. А сейчас готовится очередная массовая амнистия, в том числе для совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, фактически сводящая на нет работу правоохранительных органов по их задержанию.

⁷ Отметим, что подобное понимание свободы не является нашим российским “изобретением”. Так, например, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, “носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев – веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками” [27, с. 412].

Следует помнить и о том, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке⁸ и, соответственно, должна предполагать ограничения на высвобождение худшего. “Что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как *разнуздание*? – задавался вопросом И.А. Ильин и отвечал. – Он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы” [12, с. 146]. Что у нас и произошло. Псевдолиберальная идеология и характерное для нее понимание свободы пустили глубокие корни в общественных настроениях, особенно в молодежной среде. Как подчеркивает В.А. Ядов, любой социальный порядок, любая социальная организация – это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространство несвободы [38]. А ситуации неизбежного ограничения этой свободы, например, в школе или в вузе, где учащиеся вынуждены соблюдать определенные правила, воспринимаются многими из них болезненно в силу уже самого этого факта. (Интернет-фильмы, где учащиеся избивают своих педагогов, – одна из характерных для нашего времени реакций на такое ограничение.)

6. Криминализация – не только в общепринятом (рост преступности и др.), но и в расширенном смысле слова – криминализация “всей общественной жизни”, включающая обилие кинофильмов про “хороших бандитов”, распространение криминальной лексики (“наезды”, “разборки” и т.п.), ужесточение, “брутализация” этой жизни, широкое распространение силовых схем разрешения спорных ситуаций, престижность подчеркнута агрессивного поведения и т.д. Повышенная агрессивность как норма нашей жизни затронула даже Интернет [11], что естественно, поскольку “культура задает нормы агрессии и является первостепенным источником формирования делинквентного поведения” [там же, с. 65].

Справедливо отмечается, что “Россия осталась далеко позади большинства стран мира в отношении не только законодательного, но и исполнительного обеспечения права” [31, с. 12]. А социологические исследования показывают, что «Сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в быденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и

продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое “вторжение”: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость» [28, с. 50]. Характерны и такие констатации социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической “игры”, от межличностных отношений до социальных институтов» [там же, с. 38]. “Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов” [там же, с. 38]. Подмечено, что главный герой наших кинофильмов и сериалов – “хороший” бандит (“Бумер”, “Бригада”, “Брат” и др.), а отнюдь не борец с криминалом. По данным опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон [там же]. На наших телеканалах еженедельно выходит более 60 информационных выпусков, посвященных криминальным сюжетам. И даже представители власти регулярно прибегают к подобному “дискурсу”, свидетельства чему хорошо известны.

7. Привлекательность негативных образцов поведения, создаваемых наиболее успешными людьми современной России, которые сколотили свои состояния за счет нарушения законов и норм морали, и часто не скрывают своего криминального прошлого, а иногда и настоящего. Эти образцы порождают специфическую мораль “новых русских”, по существу, являющуюся антимоラルью в отношении традиционных нравственных норм, для многих привлекательную за счет как ее асоциальности, так и успешности ее носителей. Они поддерживаются “амнистией прошлого”: если кто-либо и был в прошлом бандитом, то сейчас он уважаемый бизнесмен, а его криминальное прошлое следует забыть. Негативные образцы транслируются в молодежной (в том числе, в подростковой) среде посредством отпрысков “новых русских”, всячески демонстрирующих свою независимость от общества (“А что вы мне сделаете?”, “Я папе пожалуюсь, он с вами разберется” и т.п.) и фактически неподконтрольных педагогам⁹.

⁸ Очень поучителен сюжет американского фантастического фильма “Запретная планета”. Некая внеземная цивилизация достигла сверхвысокого уровня технического развития, изобрела способ непосредственно материализовывать желания ее представителей путем выведения их на источник огромной энергии. Запретные желания материализовались в “Демоне Ид” – “Демоне бессознательного”, который уничтожил эту цивилизацию. Аналогия этого сюжета с происходившим в нашей стране в начале 1990-х гг., возможно, утрирована, но не безосновательна.

⁹ Один из современных российских педагогов посетовал: “Раньше, чтобы оказать воздействие на трудновоспитуемого ребенка, я писал его родителям письмо на работу. А теперь куда писать – на Митинский рынок или в оффшор на Багамах?”

8. Аномия – разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом, – характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гипернормии (сверхнормированности) социалистических режимов [36]¹⁰. Как отмечает В.К. Левашов, «В конце XX – начале XXI века российское общество, ввергнутое государством сначала в “перестройку”, а затем в “радикальные реформы”, постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» [21, с. 225]. Он же констатирует, что “Современная российская научная и общественно-политическая мысль склонна рассматривать ситуацию вакуума социально-позитивных ценностей и результатов реформ скорее не через призму морали, а через призму идеологии и ее производных” [там же, с. 225]. Это служит одной из причин “забвения” моральных проблем.

9. Упразднение *социальных институтов* морального контроля, в роли которых в советском обществе выступали партийная и комсомольская организации, товарищеские суды, народный контроль и т.д. При всех общеизвестных недостатках подобных институтов, они выполняли очень важную социальную функцию – морального контроля. Скажем, партийный выговор служил для личностей, не нарушающих закон, но грубо попирающих моральные нормы, очень эффективной мерой воздействия. Сейчас подобные институты отсутствуют, что оставляет умеющих обходить законы, а также находящихся “над законом” вне какого-либо социального контроля. Попытки возродить хотя бы один такой институт (в виде, например, нравственной цензуры на телевидении) вызывают яростное сопротивление “рекламно-телевизионной мафии”, камуфлирующей свой коммерческий интерес под озабоченность нарушением политических свобод и выдающей

нравственную цензуру за идеологическую. Неразличение видов цензуры очень характерно для нашего общественного сознания, что успешно используется нынешними псевдолибералами, смешивающими свободу слова и свободу воровства и пытающимися убедить своих сограждан, что если сегодня запретить матерщину и порнографию, завтра не будет и демократии. А отечественные СМИ, особенно телевидение, явно обращенные к “темной стороне” человеческой природы и хорошо зарабатывающие на ее пороках, оказывают на нравственное состояние нашего общества определенно негативное влияние, хотя некоторые из наших телепередач (программа А. Караулова и др.), напротив, производят впечатление немногих сохранившихся “оазисов нравственности”.

В последнее время, правда, предпринимаются попытки форсировать так называемое “патриотическое воспитание”, принимаются соответствующие государственные программы, создаются молодежные объединения патриотической направленности. Нет сомнений в оздоровительном характере подобных инициатив, хотя, разумеется, патриотизм¹¹ понимается подобными объединениями по-разному и иногда принимает откровенно шовинистические формы (см., например, [15]). Однако патриотическое воспитание ни в коей мере не может заменить нравственного (интересно, уступают ли наши патриоты места старушкам?), и сколь-либо внятные перспективы возрождения институтов воспитания нравственности пока отсутствуют.

10. Господство “экономического детерминизма” в подходах к решению основных проблем нашего общества. Этот стиль мышления и видения происходящего в обществе, согласно которому главное – экономика, а все остальное, включая мораль, вторично, подвергали разрушительной критике А. Токвилль [42], К. Поланьи [41] и многие другие известные мыслители, а М. Рац назвал его “отрыжкой марксизма”, подчеркивая производность “упертости в экономику” от марксистского разделения общества на экономический базис и второстепенную социальную надстройку [29]. Тем не менее, он не преодолен до сих пор, а все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в годы реформ, – построение рыночной экономики, укрепление рубля, обуздание инфляции, удвоение ВВП и др. – носили чисто экономический характер. В.К. Левашов констатирует “моральную аберрацию” мышления наших политиков – его дистанцирование от мораль-

¹⁰ Об аномии целых обществ заговорили относительно недавно. Прежде это понятие применялось к индивидам и было введено Э. Дюркгеймом для описания состояния, переживаемого человеком перед самоубийством [10]. В этой связи уместно вспомнить мысль О.Г. Дробницкого о том, что “Требования нравственности ... могут быть обращены и к социально-историческим процессам и состояниям” [9, с. 248]. Характерно то, что и аномия постсоветских обществ вызвала резкое возрастание количества самоубийств, а наша страна, как отмечалось выше, вышла по этому показателю на второе место в мире. “В теориях социальной интеграции рост самоубийств традиционно считается важным признаком усиления напряженности и самодеструктивности в обществе, являющихся, в свою очередь, следствием глубоких девиаций в социальных структурах и отсутствия ценностно-нормативного единства” [25, с. 54]. В результате, “Продолжающийся рост самоубийств – это та цена, которую мы до сих пор вынуждены платить за нецивилизованные формы перехода к рынку” [там же, с. 50].

¹¹ Исследования отношения к патриотизму дают довольно странные результаты. Так, патриотами считают себя 57% наших сограждан, не считают – 30%, критерии патриотизма, естественно, тоже сильно различаются [2].

ных ценностей и ориентиров, которые вытеснены категориями экономического характера, такими, как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. [21].

Ярким выражением “экономического детерминизма” является высказываемое некоторыми представителями нашей власти (в широком смысле слова, включающем всю властвующую элиту) представление о том, что проблему нравственности следует решать “по остаточному принципу”: сначала надо решить основные экономические проблемы, а уже потом, когда будет построено общество экономического благоденствия, “заняться нравственностью”. Иногда высказывается и надежда на то, что в таком обществе данная проблема “отомрет сама собой”, поскольку материально обеспеченные люди неизбежно будут высоко нравственными, хотя пример наших “новых богатых” скорее свидетельствует об обратном. Часто констатируется и антагонистическое противостояние в современном российском обществе двух видов морали: морали богатого меньшинства и морали бедного большинства [21], хотя, конечно, видов морали и их “антагонистических противостояний” в нашем социуме можно обнаружить намного больше. Отчетливо проявляет себя также антимораль, выражающаяся в убежденности значительной части наших сограждан в том, что нравственные принципы и вообще человеческие эмоции не уместны, когда речь идет о деньгах, и этот тезис некоторые идеологи наших реформ выдают за один из главных принципов рыночной экономики.

11. Тот печальный факт, что, хотя единство обучения и воспитания со времен А.С. Макаренко считалось одним из краеугольных камней отечественной системы образования, в наших нынешних стратегических разработках, направленных на ее развитие, проблема воспитания, как правило, отсутствует. Уход государства из сферы воспитания имеет множество негативных последствий. В частности, как отмечает А.В. Сухарев, “Вполне очевидна и связь так называемых недостатков в содержании образования с резким возрастанием среди российской молодежи количества психических расстройств, случаев социально отклоняющегося поведения, злоупотребления психоактивными веществами и наркотиками, нравственной незрелости, а также со снижением качества усвоения знаний” [33, с. 91].

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Прежде всего, следует подчеркнуть, что нравственное состояние общества, которое сторонники “экономического детерминизма” склонны игнорировать, относя, по их выражению, к так называемой “социалке” (показательно явно уничижительное звучание данного термина), име-

ет в этой “социалке”, т.е. в системе социальных процессов, многокомпонентный статус, включая, как минимум, три ипостаси. Оно представляет собой одновременно: а) индикатор общего состояния общества, б) следствие происходящих в нем процессов, в) основу того, что ожидает это общество в будущем.

Последнее с особой отчетливостью проявляется в проблеме рождаемости, которая в последние годы обозначается (в том числе и органами власти) как одна из ключевых проблем современной России. Как показывают социологические исследования, чисто экономические меры повышения рождаемости могут дать ее прирост в пределах 15–20% [3], поскольку основное влияние на нежелание иметь детей оказывают неэкономические факторы. Среди этих факторов, как демонстрируют опросы, одно из первых мест занимает нежелание рожать их *в такой стране*, нравственное неблагополучие которой акцентируется респондентами [32]. Различные проявления психологического состояния общества, например, социальное самочувствие населения, существенно влияют и на среднюю продолжительность жизни.

Перманентное ощущение неблагополучия окружающей среды играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев и др., являющихся основными появлениями физического саморазрушения нашего общества. Например, “катастрофическую депопуляцию” [21, с. 259] современной России В.К. Левашов объясняет “нравственным разрывом между обществом и государством” [там же]¹². Все это служит демонстрацией “материальности” нравственного состояния социума и невозможности решения этой проблемы “по остаточному принципу”. А ее решение “вслед” за достижением всеобщего экономического благоденствия может привести к тому, что не останется общества, нравственный уровень которого предполагается повышать, или что оно будет существовать в состоянии описанной в социально-философских утопиях “войны всех против всех”, не случайно занимающей видное место в романах наших современных писателей-фантастов (см. [5]).

Разумеется, дать простой ответ на традиционный российский вопрос “Что делать?” применительно к нравственному состоянию нашего обще-

¹² По данным социологических опросов, большинство наших сограждан считают, что современное российское государство выражает главным образом интересы государственной бюрократии и богатых слоев, а не общества в целом [21]. Однако и при более позитивном представлении о государстве и приписывании ему прообщественных интенций приходится признать, что “государство проигрывает войну с общественными пороками” [там же, с. 426].

ства было бы абсурдным. Очевидно и то, что декларативные призывы к возрождению морали и нравственности звучат как глас вопиющего в пустыне, а в условиях нигилизма значительной части нашей молодежи, приученной псевдолиберальными идеологами “делать все наоборот” в отношении призывов старшего поколения, могут дать и прямо противоположный эффект.

Тем не менее, ключевые направления возрождения нравственности можно наметить.

Во-первых, пересмотр понимания свободы, оставшегося нам в наследство от первых лет реформ и носящего в современной России крайне искаженный характер. Свобода предполагает ее разумные ограничения, органически “вживленные” в психологию граждан. Подобное понимание свободы, прописанное в трудах И. Канта, И.А. Ильина и других выдающихся мыслителей, следует “вживлять” в умы наших сограждан с помощью системы образования, которая сейчас уделяет этим трудам и соответствующим проблемам явно недостаточное внимание.

Во-вторых, возрождение институтов морального контроля, которые в современном российском обществе практически отсутствуют. Как подчеркивают наши ведущие социологи, подлинная свобода будет завоевана в России не на баррикадах, а в ходе кропотливой отстройки социальных институтов, эффективно ограничивающих дикую, необузданную свободу [38 и др.]. Едва ли следует стремиться к созданию институтов, напоминающих советские партийные и комсомольские организации (в демократическом обществе это и невозможно), однако и школы, и вузы, и общественные организации могли бы выполнять функции морального контроля, для чего им необходим *мандат общества* на их выполнение. Например, поступление в вузы и пребывание в них можно бы было поставить в зависимость от поведения учащихся в учебных заведениях и за их пределами. А общественным организациям, в том числе и нашей ведущей политической партии, следовало бы придавать значение нравственным качествам своих членов.

В-третьих, в условиях характерного для современного российского общества дефицита внутренних – нравственных – регулятивов следовало бы прибегнуть к их “экстернализации” путем придания моральным нормам статуса законов. Ярким примером может служить принятый ГД закон, запрещающий распитие пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах. В данном (очень поучительном) случае внутренний – нравственный – запрет был переведен во внешнюю форму. И это дало результат, хотя и в соответствии с российским отношением к законам: пить пиво в общественных местах наши сограждане, конечно, не перестали, но стали делать

это значительно реже, нежели в отсутствие юридически оформленного запрета. То же самое следовало бы сделать в отношении мата¹³ в общественных местах, демонстративных оскорблений старших по возрасту и других форм грубого нарушения морали.

В-четвертых, декриминализация нашего общества, в том числе и его бытовой культуры. Неверно думать, что эта проблема имеет отношение только к правоохранительным органам. В частности, декриминализация массового сознания предполагает не только очищение нашей лексики от блатного жаргона и т.п., но и радикальное изменение системы отношений между населением и правоохранительными органами, в том числе и отношения к их информированию о нарушениях закона, которые в нашей культуре, под очевидным влиянием криминального мира, квалифицируются как “доносы”¹⁴. Мы же до сих пор не научились различать доносы, в том числе и идеологические, и сообщения о нарушениях закона, к тому же считая его “мелкие” нарушения несущественными и не заслуживающими внимания правоохранительных структур. Отмечается, в частности, что “то, что одни называют законопослушанием, другие – доносом” [23, с. 77], «доносительство у нас не приветствуется ... стучать нельзя, потому что закон – “чужой”» [там же]. Отсутствует и такое понятие, как “профессиональный преступник”, хотя значительная часть наших сограждан, находясь на свободе, способна заниматься только криминальной деятельностью и не скрывает этого.

Изменения системы борьбы с преступностью необходимы и на другом “полюсе”. Милицию часто приходится уговаривать приехать, доказывая, что случай того стоит, а значительное количество преступлений, в том числе и убийств, совершаются из-за того, что граждане сами пытаются выполнять функции правоохранительных органов. И вообще борьба с преступностью в нашей стране вписывается в известную формулу М. Жванецкого: “Это – не борьба, и это – не результат”. Наблюдается явный контраст с их дея-

¹³ Нечто подобное уже делается в некоторых российских городах, например, что иногда порождает насмешки представителей СМИ, плохо понимающих разрушительность воздействия на общество “слабых” форм девиантного поведения.

¹⁴ В этом плане очень поучителен пример Финляндии, признанной наименее коррумпированной страной мира. Один из краеугольных камней борьбы с коррупцией в этой стране – простота и эффективность информирования правоохранительных органов о любых случаях коррупции, т.е., в нашей терминологии, “доносов” на чиновников. Любой гражданин может сделать это через Интернет, без заполнения каких-либо бумаг и бюрократических препон. Там же вывешиваются “черные списки” чиновников, уличенных в коррупции, попадание в которые лишает их возможности устроиться на престижную работу.

тельностью в западных странах, где о любом случае нарушения закона граждане тут же сообщают в полицию, и она незамедлительно реагирует. Мораль подкрепляет закон, нравственным считается реагировать на все случаи его нарушения, а безнравственным – не реагировать.

В-пятых, широкое привлечение ученых – социологов, психологов и др. – к разработке законов, которая считается у нас сферой компетентности лишь профессиональных юристов и вездесущих политиков¹⁵. Законы – это не просто юридические нормы, а *наиболее общие правила социального взаимодействия*, которые должны разрабатываться и вводиться с учетом его социальных, психологических, экономических и прочих закономерностей, раскрываемых наукой.

Естественно, возможны и другие средства возрождения нравственности, например, религия, на которую в этом плане возлагаются большие надежды. Можно согласиться, например, с С.Д. Лебедевым в том, что “Переоткрытие религии современным обществом существенно повышает вероятность творческого обновления социокультурной традиции и, соответственно, преодоления обществом наличествующих кризисных ситуаций” [20, с. 34]. Вместе с тем, он же отмечает, что «религиозные “прививки”, как представляется, настолько конструктивны сегодня, насколько они окажутся способными актуализировать и развить потенции светской культуры, выполняющей в современном обществе функции поддержания образца в социетальном масштабе» [там же, с. 35]. А социетальные образцы, к сожалению, оставляют желать лучшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ положения детей в РФ. М.: ЮНИСЕФ, 2007.
2. Бавин П. Кто такой патриот? // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 65.
3. Бойко В.В. Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985.
4. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психол. журн. 2004. № 5. С. 16–23.
5. Володихин Д. Требуется осечка ...: Ближайшее будущее России в литературной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 79–93.
6. Государственный доклад “О положении детей в Российской Федерации”. М.: Министерство труда и социального развития Российской Федерации, 2006 г.
7. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.

¹⁵ Тот факт, что в наших законодательных органах обильно представлены спортсмены и шоумены, расширяя социальную базу принимающих законы, лишь ухудшает эту ситуацию.

8. Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН) / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2007.
9. Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 248–256.
10. Дюркгейм Э. Самойбийство: социологический этюд. СПб., 1998.
11. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.Н., Цибульский Н.П., Чудова Н.В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психол. журн. 2006. № 6. С. 65–72.
12. Ильин И.А. О грядущем России. М., 1991.
13. Кармадонов О.А. Символ и трансформация: перестройка как патологический феномен // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 60–74.
14. Климов И. О хамстве и хамах // Социальная реальность. 2006. № 7–8.
15. Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психол. журн. 2005. № 4. С. 89–97.
16. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д. Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 97–114.
17. Корецкий Д. Я – гуманист, поэтому – за смертную казнь // Аргументы и факты. 2008. № 37. С. 8.
18. Кравцова М.М. Сравнительный анализ моральных суждений младших школьников (1930 и 2000 гг.) // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 27–36.
19. Кудрявцев И.А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // Психол. журн. 2007. № 3. С. 76–95.
20. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
21. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М., 2007.
22. Лысова А.В., Щитов Н.Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99–115.
23. Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
24. Максимова В. Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 29–39.
25. Мягков А.Ю., Ерофеев С.В. Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 37–58.
26. Назад, в пещеры, можно вернуться и с карманным компьютером. Интервью с В.Л. Гинзбургом // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 48–55.
27. Огурцов А.П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 405–425.
28. Преснякова Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38–50.
29. Рац М.В. Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр, 1997.

30. Российский статистический ежегодник 2007. М.: Росстат, 2007.
31. Славская А.Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета // Психол. журн. 2004. № 6. С. 12–20.
32. Сулакишин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006.
33. Сухарев А.В. Некоторые аспекты этнофункционального подхода к проблеме образования в России // Психол. журн. 2005. № 2. С. 91–101.
34. Фень Е. Образ студента: обстоятельства времени // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 46–62.
35. Щербакова И.В., Ядов В.А. Культура предупредительного поведения в большом городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.
36. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 786–798.
37. Шустова Н.Е., Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам // Психол. журн. 2007. № 1. С. 46–57.
38. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
39. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. N.Y., 1957.
40. Kohlberg L. Moral stages and moralization // Moral development and behavior. N.Y., 1977. P. 31–53.
41. Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.
42. Toqueville A. The Old Regime and the French Revolution. N.Y.: Anchor, 1955.
43. Transparency International. The 2007 Transparency International Corruption Perception Index. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2007

MORAL STATUS OF PRESENT-DAY RUSSIAN SOCIETY

A. V. Jurevich

*Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology),
deputy director of Psychological Institute of RAS, Moscow*

Statistic data as well as the results of psychological and sociological researches indicating extremely negative moral status of present-day society are given. Reasons of its moral degradation and ways of improving the situation among which: correction of formed in the public opinion understanding of freedom, “externalization of moral” by attaching to basic moral standards status of lows, revival of institutes of moral control are considered.

Key words: moral, morality, state of society, freedom, control, criminalization, low, brutalization, reforms, economical determinism.